

“у меня начал дымиться сапог”

как наши снимались у Гринуэя

Ни для кого не секрет, что среди продюсеров амбициозного проекта знаменитого британца Питера Гринуэя «Чемоданы Тульса Люпера» есть российская студия «12 А». Снимались в картине и российские актеры — правда, не в первой части, которая была показана в Каннах, а во второй, премьера которой запланирована на Берлинском фестивале. Одним из них оказался известный переводчик **Василий Горчаков**, который рассказал Газете об истории своего знакомства с Гринуэем и совместной работе с ним.

Для меня все началось год назад, на фестивале «Святая Анна». Гвоздем программы на открытии был Питер Гринуэй с мастер-классом. Меня попросили перевести то, что он будет говорить. Мы поднялись на сцену, я стал переводить. Он говорил вещи достаточно интересные, предупреждал, что будет провоцировать, — и провоцировал, начиная со своей знаменитой фразы «Кино умерло, кино больше нет», развивал это, в запале говорил минут по пятнадцать—двадцать... Потом мы пошли в ресторан, где уже были актеры, к которым он с интересом присматривался: речь шла о том, чтобы задействовать русских в новом мультимедийном мега-проекте «Чемоданы Тульса Люпера», о котором он рассказывал на той же лекции. Не буду называть всех актеров, которые присутствовали в первый вечер, но могу сказать, что никого из них на съемках потом не было. Хотя, может, и будут.

Потом Гринуэй еще приезжал, перед ним прошли около десяти актрис, они менялись, и все с большой долей уверенности хвастали: «Мы будем сниматься у Питера Гринуэя». Наконец — последний кастинг, когда он говорил с теми девушками, которые в результате оказались на съемочной площадке. Это Рената Литвинова, Лариса Гузеева, Кристина Орбакайте и Ирина Бразговка. Прошел и я... Он мне еще в первый вечер сказал: интересно, а что если будут в фильме присутствовать незримо за спинами главных героев два или три духа и повторять за ними все на другом языке, причем без эмоций? Например, герой с героиней в постели, говорят: «Я тебя люблю», а рядом кто-то повторяет мрачно: «Я тебя люблю». Поговорили тогда и расстались, а потом он вдруг меня поразил: ну, мол, а о тебе, Вася, разговор не идет, ты снимаешься однозначно.

Сначала это должна была быть Италия, потом — Дрезден, а потом оказался Лейпциг: огромная полупустая студия, совершенно новая и прекрасно оборудованная. Я был на многих съемочных площадках в разных должностях — как переводчик, как каскадер, даже как актер, — но организация меня поразила. Ни одной минуты простоя, ни разу не упал ни один осветительный прибор, за то время, когда все гримировались, успевали поставить свет и декорации. Отпускали на обед, а когда все возвращались — стояла другая декорация. К нашему появлению был накрыт

длинный стол, Гринуэй ел вместе с остальными членами группы. Строгая дисциплина, профсоюз: ровно по графику съемки, обед, еще съемки, ужин с вином... После чего все, довольные, собирались разъезжаться, а Питер говорил: «Давайте через часок встретимся в холле гостиницы, порепетируем». Так и было, и здорово помогало.

Невероятная благожелательность, никто не сваливал какие-то неудачи на другого, никто не говорил, что эти не готовы, а мы готовы. Правда, плакала несколько раз художник по гриму, потому что в последний момент Гринуэй мог посмотреть на ее работу — скажем, на ту же Ренату Литвинову — и сказать: «Нет, мне не нравятся красные губы и белые брови, пусть будет наоборот — белые губы и красные брови». Все приходилось делать заново, а грим был сложный... но почему-то из графика никто не выбивался.

Если брать манеру Гринуэя, то она очень доброжелательная и ровная. Видно, что ты делаешь ошибку, и он говорит: «Замечательно, очень хороший был дубль, но все-таки давайте еще раз сделаем, а вот это изменим». Это могло быть раз, два и три, хотя он не из тех режиссеров, которые работают ради количества дублей. Нет, ему был нужен результат, и как только он его добивался, даже не страховался, а говорил: «Очень хорошо». Постоянно хвалил всех, и хотя в глубине души все понимали, что это не совсем так, это помогало сделать еще лучше. Он вполне готов импровизировать, менять все по ходу действия, спрашивая: «Тебе так удобней?» Действительно, неудобно, например, сидеть в машине скрючившись: кругом эти камеры, свет, у меня уже начал дымиться сапог. Время от времени приходилось что-то делать, сидя на лошади в павильоне. Лошади были очень дисциплинированными, но все равно это лошади! То туда пойдет, то сюда, то встанет. К счастью, Рената хорошо ездила на лошади. А некоторым девушкам было тяжело, особенно когда они танцевали среди пятнадцати лошадей, а те бродили в свободном режиме. Никто, впрочем, ни на кого не наступил.

Все снималось десятью камерами: одна большая центральная и еще маленькие, которые были привинчены в самых неожиданных точках. Сам Гринуэй сидел за батареей монитора. Я как-то был не занят в кадрах, подошел посмотреть — не понимаю, как можно ориентироваться в десяти мониторах, где сцена показывается с десяти точек. Совершенно не мог понять и так и не спросил у него — он был занят, — почему один кадр был перевернут вверх ногами? Никто из нас не видел снятого материала, Питер показывал кусочек, снятый им до этого в Испании. Что это такое, понять было невозможно — Гринуэй, доведенный Гринуэем до абсурда. Кадр распадается, повторяются одинаковые движения, все раздваивается. Все испугались даже... С трепетом ждем, что это будет на экране.

